

всего важнее) ветер воет в трубах, свистит в разбитые окончины и хлопает дверьми, с которых валится позолота».²⁶

Вот одно из таких описаний в «Тайнах Удольфо»: «Она (Бланка, — В. В.)... вступила в прямой ряд комнат, коих стены были обиты обоями или украшены столярною работою из кедра; мебели казались так же стары, как и замок; огромные каминны, в коих не видно было никаких следов огня, являли хладный вид небрежения и пустоты; все сии комнаты представляли так живо впечатления уединения и пустоты, что портреты в тех покоях, где они висели на стенах, казалось, были последними их обитателями».²⁷

В полном соответствии со сложившейся традицией — интерьер замка в «Острове Борнгольме». «Везде было мрачно и пусто. В первой зале, окруженной внутри готическою колоннадою, висела лампада, и едва-едва изливала бледный свет на ряды позлащенных столпов, которые от древности начинали разрушаться; в одном месте лежали части карниза, в другом отломки пилястров, в третьем целые упавшие колонны» (I, 667). В «готическом» романе эти описания подготавливают сюжетную перипетию. У Карамзина их зловещий колорит на первый взгляд снят введением фигуры гостеприимного хозяина. Но это иллюзия. Сцена со стариком лишь отодвигает «кульминацию» и усиливает зловещий трагизм атмосферы, который достигает вершины с появлением мотива пророческого сна.

Начиная с первых «готических» романов сон героя постоянно получает функции пророчества. Иногда он предвосхищает развязку или сюжетную перипетию. В «Старом английском бароне» Клэры Рив владельцы замка Фиц-Овенов являются во сне Эдмунду Твайфорду и признают в нем сына и наследника. В дальнейшем поэтика сна осложняется. С развитием техники намеков и тайн возникает символика сна, не расшифровываемого непосредственно, но содержащего в себе нераскрытое и темное указание на грядущие события. Мотив вещего сна оказывается необычайно устойчивым и переходит в поздний трансформированный «готический» роман и романтическую литературу.

И здесь Карамзин органически включается в традицию. Как это характерно для развитого «готического» романа, сон путешественника в «Острове Борнгольме» акцентирует тайну, не раскрывая ее. Образный строй сновидения здесь чужероден всему

²⁶ Н. М. Карамзин. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице. Сочинения, т. I. СПб., 1848, стр. 464—465.

²⁷ А. Радклиф. Тайнства Удольфские, ч. III, стр. 344—345; см. также «Лес» (кн. I, М., 1801, стр. 44—45, 73).